

DOI 10.18522/2415-8852-2020-3-160-175

УДК 316.658.2

УБИТЬ СЫНА: СМЕРТЬ НАСЛЕДНИКОВ ПРЕСТОЛА В МЕХАНИКЕ МЕДИАЗАБВЕНИЯ

Денис Сергеевич Артамонов

кандидат исторических наук, доцент Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия)

e-mail: artamonovds@mail.ru

Софья Владимировна Тихонова

доктор философских наук, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия)

e-mail: segedasv@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена механике забвения в структуре исторической памяти в цифровой среде (медиапамяти). Авторы рассматривают медиапамять как систему селекции эмоционально окрашенных представлений о прошлом, в которой забвение играет роль фильтра, устанавливаемого цензурными и мифологизаторскими практиками. На примере двух конкретных исторических событий, убийств наследников престола отцами-царями, они показывают работу механизма забвения через сопоставление историографического, мифологического и медианарративов. Эмпирической основой исследования медианарратива выступают интернет-мемы, посвященные Ивану Грозному и Петру I. Авторы приходят к выводу о том, что цензурно-идеологическая практика государственной мифологии отказалась от искажения историографических конвенций об анализируемых событиях в пользу их вытеснения. Эмпирические данные демонстрируют вытеснение морального аспекта в оценке событий за счет юмористической стратегии их интерпретации.

Ключевые слова: memory studies, историческая память, медиапамять, забвение, медиалогика, Иван Грозный, Петр I.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: проект «Петр I в исторической памяти современной России: репрезентация образа в медиасреде», № 20-09-42063.

Забвение – один из ключевых механизмов селективной работы исторической памяти. Внимание исследователей забвение привлекает реже, чем запоминание, поскольку сохраненное и удерживаемое в памяти всегда обладает большей степенью очевидности. Территория провалов, замалчиваний и разрывов предъявляет к исследовательской оптике повышенные требования. Даже вариацию искажения отследить проще, чем неявленность фигур умолчания. Слишком велик соблазн объявить сокрытое несуществующим. Однако чем глубже и точнее память, шлифуемая исторической наукой, тем выше поверхностность ее конструктов, недоступных для влияния позиций живых свидетелей. Цифровая медиасреда опирается на разветвленную систему каналов трансляции представлений о личностях, событиях и явлениях из жизни ушедших эпох. Она формирует новую форму исторической памяти – медиапамять. Историческая память – методологическая категория, применяемая для обозначения активных образов прошлого, моделирующих содержание исторического процесса в общественном сознании. Ее теоретико-методологическим формированием мы обязаны школе *memory studies* (М. Хальвакс, Я. Ассман, П. Нора, А. Ассман), сконцентрированной на том, как представления об истории формируются не профессиональными историками, но обывателями, личная память которых обогащается не столько

школьными учебниками, сколько семейными традициями, архивами, дневниками, перепиской, художественными произведениями, мифами и слухами. Распространение интернет-технологий привело к новым масштабам презентации в общественном сознании укорененных в личном опыте исторических мифологий, прежде «прозябавших» в стихии городского фольклора.

Сегодня сайты Интернета и пространства социальных медиа аккумулируют огромные массивы сгенерированных пользователями образов прошлого. Нередко они находятся в конфликтно-оппозиционных отношениях с данными профессиональных историков (отметим, что очень многие проблемы исторической науки далеки от окончательных решений и «внутренние» позиции исторической науки монолитностью и единообразием не отличаются) и развивают конспирологические схемы «альтернативной истории». Сетевой контент, основанный на форматах медиатекста, отражает пестрое разнообразие коллективных воспоминаний. Наша задача в рамках данной статьи – попытаться установить в историческом контенте следы работы забвения, осуществлявшейся длительное время системой идеологии в процессе формирования государственных мифов. Мы выбрали схожее обстоятельство в биографии двух наиболее значимых правителей досоветского периода – Ивана Грозного и Петра I – смерть старшего сына, царевича-наследника.

Оба царя вошли в историю страны в качестве реформаторов, усиливавших государственность, расширявших территориальные границы державы, и крайне амбивалентных личностей, проявлявших свой темперамент в том числе и в одиозных поступках. Их роль в государственной мифологии России веками продолжает оставаться системообразующей с точки зрения формирования системы критериев оценки других правителей. Оба царевича – Иван и Алексей – в исторической традиции считаются жертвами своих отцов, сила доказательств эквивалентна в обоих случаях: прямыми однозначными признаниями вины со стороны «обвиняемых» и обвинительными приговорами трибуналов историческая наука не располагает, хотя консенсуальное признание деяний в историографии можно считать однозначно сложившимся. Резко негативная моральная оценка сыноубийства в современном медиадискурсе в особых комментариях не нуждается. Чувствительность общественного мнения к проблеме семейного насилия в отношениях отцов и детей только усиливается – можно проследить ее, например, на кейсе премии Российской государственной детской библиотеки «Большая сказка» им. Э.Н. Успенского. При этом репутация сыноубийцы отразилась на современных медийных образах Ивана Грозного и Петра I в совершенно разной степени. Наша гипотеза состоит в том, что работа забвения в создании государственного мифа

привела к смягчению мотива сыноубийства с помощью юмористической стратегии гиперболизации злодейства в сетевом образе Ивана Грозного и к нивелированию мотива в сетевом образе Петра I. Для ее подтверждения мы сопоставим историографический, мифологический и медиалогический пласты персонального мифа обоих царей.

Историография I: смерть царевича Ивана

Для большинства историков, писавших о смерти царевича Ивана, было очевидно: он погиб от рук Ивана Грозного, несмотря на то что исторические источники не дают точного указания на вину царя. Одним из первых об этом событии написал М.М. Щербатов в своем труде «История российская от древнейших времен», который долгое время был чем-то вроде учебника по русской истории [Щербатов 1789: 120–126]. Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» с присущим ему литературным дарованием создал полную драматизма сцену убийства отцом сына, заложив каноны восприятия этого образа прошлого. В версии Карамзина, «царь дал ему несколько ран острым жезлом своим и сильно ударил им царевича в голову», а затем, «поблднев от ужаса, в трепете, в исступлении он воскликнул: «Я убил сына!» и кинулся обнимать, целовать его» [Карамзин 1821: 352–355]. В.О. Ключевский в своем курсе лекций был также однозначен в выборе версии гибели царевича, он писал о «печаль-

но-удачном ударе железного костыля в голову» и неутешном горе царя Ивана [Ключевский 1916: 18]. В советской историографии сомнений в том, что Иван Грозный стал причиной гибели своего сына, не возникало. Например, один из самых авторитетных специалистов по истории эпохи Ивана IV, автор научно-популярных книг о нем Р.Г. Скрынников считал, что если даже царевич умер не непосредственно от удара посохом, то от болезни, которая возникла после побоев, нанесенных отцом [Скрынников 1983: 235–236].

Историки, делая свои выводы, в основном опирались на свидетельство папского легата, иезуита Антонио Поссевино, прибывшего в Москву вскоре после похорон царевича и поместившего в свои записки слухи, которые ему удалось собрать, находясь в столице. Согласно его версии, Иван Грозный, застав беременную жену сына в одном нижнем платье, избил ее посохом, что привело к потере ребенка. Царевич Иван пытался заступиться за супругу, но «только обратил на себя гнев и удары отца» и «был очень тяжело ранен в голову, почти в висок, этим же самым посохом», после чего заболел и через пять дней умер [Поссевино 1983: 50].

Полному отрицанию этот источник подвергся в конце XX в., когда митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн (Снычев) начал движение за канонизацию Ивана IV. Митрополит Иоанн в своей книге 1995 г. «Самодержавие духа» называет «не-

лепой», «голословной» и «бездоказательной» версию событий, изложенную иностранцем [Иоанн 1995: 190–191]. Несмотря на резкое осуждение идеи канонизации со стороны официальных представителей Русской православной церкви, отрицание факта убийства царем своего сына находит последователей как среди церковников, так и среди российской общественности.

Историография 2: смерть царевича Алексея

В отношении Петра I вина в гибели сына более очевидна, хотя прямых и достоверных доказательств, что царевич Алексей принял смерть от его руки или по его приказу, нет. После неудавшейся попытки бегства за границу, куда Алексей Петрович отправился, опасаясь за свою жизнь, царевич был возвращен на родину и привлечен к следствию по обвинению в заговоре против монарха. Будучи подвергнут пыткам, в которых его отец принимал непосредственное участие, Алексей признал свою вину, и с согласия Петра I был приговорен Верховным судом, состоявшим из министров, сенаторов, военных и гражданских деятелей в количестве 127 человек, к смертной казни. Император отказался помиловать царевича и утвердил приговор, но накануне приведения его в исполнение Алексей Петрович скончался, по официальной версии, от апоплексического удара, не вынеся сильного душевного потрясения.

Слухи о том, что Петр I виновен в смерти своего сына, сам «задавил» его, стали возникать еще при жизни императора, о чем красноречиво свидетельствуют дела Тайной канцелярии, созданной для расследования преступлений против монарха и политических заговоров [Ермакова 2018: 59–61]. По образному выражению историка XIX в. Г.В. Есипова, слухи не то что о смерти, даже о попытке царевича «вызывали слезы в избе простолюдина и возбуждали негодование на Петра», «государя бранили» и называли Антихристом [Есипов 1860: 6, 14].

В 1858 г. издателями альманаха «Полярная звезда» А.И. Герценом и Н.П. Огаревым в лондонской Вольной русской типографии было опубликовано «Письмо Александра Румянцева к Титову Дмитрию Ивановичу», в котором гвардии капитан сообщал своему «другу и благотворителю», что после вынесения судом смертного приговора царевичу Петр I собрал нескольких доверенных лиц и сообщил им: «не хочу поругать царскую кровь всенародной казнью, но да совершится сей предел тихо и неслышно», после чего приказание царя было выполнено, царевича задушили двумя подушками [Убиение... 1967: 279–287]. Это письмо вместе с другими документами по делу царевича Алексея было опубликовано Н.Г. Устряловым в шестом томе его «Истории царствования Петра Великого», в котором также достаточно убедительно доказана поддельность текста [Устря-

лов 1859: 294]. М.И. Семевский, с подачи которого произошла первая публикация документа, выступил оппонентом Н.Г. Устрялова и привел аргументы в пользу достоверности письма Румянцева, правда не очень убедительные [Семевский 1860: 53–57].

В советской, а затем и российской историографии была принята версия о подложности этого письма [Эйдельман 1973: 78], а о причинах смерти царевича Алексея сложилось мнение, выраженное Н.И. Павленко, что она «стала совокупным итогом выпавших на его (царевича – Д. А., С. Т.) долю тяжелых испытаний – следствия, ... пыток, чтения приговора» [Павленко 208: 234].

Мифология 1: Иван Грозный

Образ этого царя весьма неоднозначен, что объясняется как особенностями его политической стратегии, так и характером его личности. Философско-богословская эрудированность, широкая образованность, религиозность, способность решительно воплощать свою волю в жизнь, с одной стороны, и необузданный гнев, крайняя жестокость и мстительность, с другой, привели к тому, что беспрецедентно долгое (в полстолетия) правление Ивана Грозного, отмеченное важными реформами и удвоением территории страны, до сих пор становится причиной раскола общественного мнения. Династия Романовых стороной обходила Ивана Грозного, принадлежавшего к династии Рюри-

ковичей, при формировании позитивного государственного мифа, четко демонстрируя стратегию отказа от прямого осуждения, способного подорвать общий авторитет монархии. В девятом томе «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина Иван Грозный начинает историю собственно самодержавия в России, при этом царь позиционируется как тиран на троне, с намеками на сходство с Павлом I. Карамзин развивает концепцию «двух Иванов», созданную князем А.М. Курбским, противопоставляя Ивана – реформатора и защитника государства, Ивану – тирану и деспоту. Рубеж между двумя «личностями» царя связывается с личной драмой и смертью царицы Анастасии. Уделяет Карамзин внимание и смерти царского сына, подробно и с сочувствием к жертве описывая ее [Богданова 2017: 79]. Карамзин пытается смягчить собственное изображение личности царя закономерностями развития самодержавия и потребностями государственного развития. С его выводами по правлению Грозного, в которых положительное преобладает над отрицательным, читателю трудно согласиться. Эта логика преувеличения положительного при очевидности отрицательного сработала и в случае выделения мотива сыноубийства в самостоятельный сюжет картины И. Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года», более известной под названием «Иван Грозный убивает своего сына». Живописное полотно

изображает не сам акт убийства, а муки раскаяния отца и прощение сына. Даже в таком христианско-умеренном ракурсе указание на злодеяние царя стало причиной гнева Александра III и первого в истории российской цензуры запрета к показу произведения станкового искусства. Следует отметить, что, несмотря на запрещение картины, сам факт убийства сына царем под сомнение не ставился ни властью, ни общественностью. Возмущало впечатление, которое производило полотно, изображающее финал отвратительного преступления, а не клевета на Ивана Грозного [Шокарев 2017: 12–13].

Переосмысление мифа Ивана Грозного начинается в советский период, главным мифологическим инструментом создания новой интерпретации становится кинематограф. Первый рубеж «позитивизации» связан с фильмом-загадкой С. Эйзенштейна «Иван Грозный», идея о необходимости которого приписывается И. Сталину. Первая серия разрабатывала сюжет «хорошего Ивана» первой половины правления. Она вышла в прокат в 1945 г. и принесла Сталинскую премию режиссеру и съемочной группе. Вторая серия, посвященная началу драмы «злого Ивана», которая в третьей (несостоявшейся) части и приведет к сыноубийству, фактически оказалась под запретом именно потому, что Сталин увидел в ней аллюзии на собственное правление и счел, что Иван Грозный должен выступить в кинематографе как

мудрый правитель, а не «Гамлет». Параллель «Иван Грозный – Иосиф Сталин», вероятно, вполне осознанно конструировалась Сталиным на основе возвышения имиджа царя.

Образ «хорошего Ивана» был окончательно закреплен фильмом Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию», лидером советского кинопроката 1973 г. Популярность фильма, мгновенно разошедшегося на цитаты, утверждает образ царя как правителя, заслуживающего уважения. Разумеется, идеологические споры о роли Ивана Грозного на этом не утихли, что продемонстрировал сам факт предложения по канонизации царя и официальный отказ РПЦ от нее на Архиерейском соборе 2004 г.

Мифология 2: Петр I

Государственный миф о Петре I начал свою историю еще при жизни царя и при его активном участии. Рупором новой имперской идеологии стал Феофан Прокопович, в «Правде о воле монаршей во определении наследника державы своей» (1722) с согласия церковных и светских властей, а также самого Петра I предложивший обоснование указа о престолонаследии 1722 г. В трактате Прокоповича есть такие строки: «...свободны и полномочны Монархи определять по себе державы наследников, кого из сынов, внуков, племянников, сродников, или и отвне фамилии своей усмотрят угоднейшего к тому» [Прокопович 1726]. Обосновывая неограни-

ченное право монарха самостоятельно определять наследника, мыслитель настаивает на божественности воли императора, простирающейся на всех его подданных. В таком концептуальном поле, ставшем основой легитимации власти правящей в Российской империи династии, осуждение царя за сыноубийство принципиально невозможно ни в правовой, ни в моральной плоскости. Литературная интерпретация государственного мифа о Петре – строителе, реформаторе, «плотнике» – в досоветский период (М.В. Ломоносов, Екатерина II, А.С. Пушкин) обходила смерть царевича молчанием, поскольку для авторов ее упоминание повлекло бы за собой прямую опасность. Тем не менее сыноубийство однозначно трактовалось как вынужденная мера, связанная с необходимостью защиты государства, и в таком качестве оправдывалась. Самостоятельным сюжетом история Петра и его сына стала в картине Н.Н. Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе» (1871); судя по композиционному решению, симпатии художника были на стороне Петра, принесшего отцовские чувства на алтарь государственного интереса.

Переосмысление сюжета было инициировано поэтами Серебряного века, сближавшего фигуру царя с атеистами-большевиками в негативных коннотациях. В историософском романе Д.С. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» Петр воплощает Ан-

тихриста, Алексей показан как защитник Христа. Однако массового распространения новая интерпретация не получила, поскольку была нейтрализована «красной» версией петровской мифологии.

В советский период роман А.Н. Толстого «Петр Первый» актуализировал миф о Петре I – строителе, разрушающем старый мир во имя нового. Считается, что замысел романа был продиктован конъюнктурными соображениями, связанными с надеждой писателя упрочить свое положение через акцентирование параллелей между образами Петра и Сталина (замысел романа, как и в случае Эйзенштейновского «Ивана Грозного», прямо приписывается Сталину). Поскольку роман закончен не был, сюжет сыноубийства остался за его рамками. Созданный Толстым образ Петра стал основой советской кинематографической иконографии Петра, обеспечивавшей достаточно плотный эффект присутствия персонажа в медиасреде. Мифология петровских реформ вызвала всплеск интереса к личности царя в эпоху Перестройки в связи с запросом на обоснование радикальных реформ, трактуемых как «революция сверху» (Н. Эйдельман). В это время мотив Петра-Антихриста преодолевается через связь реформ и научно-технического прогресса, весьма знаковую для космической сверхдержавы, как это видно, например, в фильме А. Про-

шкина «Михайло Ломоносов» (1984–1986). Поэтому, когда в ранний постсоветский период отмечалось повышение интереса к литературе Серебряного века, версия мифа Д.С. Мережковского закрепления не получила и изменений в каноническом образе царя-строителя не произошло. Мотив сыноубийства, осмысленный в риторике государственной жертвы, практически никак не дискредитирует в медиасреде образ первого российского императора; этот сюжет был оправдан, вытеснен и практически забыт.

Медиадиалогика 1: Иван Грозный убивает

Одним из важнейших инструментов медиопамати является интернет-мем. Исторические мемы позволяют проследить, как усилия различных акторов политики памяти отражаются на массовом сознании. Мемы представляют собой информационное сообщение, созданное усилиями интернет-пользователей и массово распространяющееся в медиасреде. Анализ мемов на историческую тематику позволяет выяснить, что помнят, а что забыли миллионы пользователей социальных медиа и каковы их представления о прошлом.

Интернет-мемы с участием Ивана Грозного – это креолизованный текст, в основе которого изображение царя из какого-либо художественного произведения и надпись на актуальную тему. Наиболее массо-

вое распространение получили интернет-мемы с использованием картины В.М. Васнецова «Царь Иван Васильевич Грозный», из которых самый популярный мем – «Не царское это дело».

Рис. 1. Интернет-мем «Не царское это дело»

Также мемы о Грозном эксплуатируют тему жесткости Ивана IV, надписи содержат угрозы посадить на кол, казнить, портретные изображения царя помещают в одном ряду с портретами Влада III Цепеша (Дракулы) и Адольфа Гитлера.

Рис. 2. Интернет-мем «Компьютерные игры делают людей жестокими»

Не менее популярны интернет-мемы, созданные на основе кадров из фильма «Иван Васильевич меняет профессию». В них образ царя подается в юмористическом ключе и чаще всего просто обыгрывается название фильма: Иван Васильевич «впадает в де-

прессию», «сдает сессию», «готовит диверсию», «не одобряет репрессии» и т. п.

Рис. 3. Интернет-мем «Иван Васильевич меняет профессию»

Юмористическое восприятие фигуры Ивана IV характерно и для мема «Иван Грозный убивает», имеющего самое большое число вариаций, созданных интернет-пользователями, которые при помощи графических редакторов помещали Ивана Грозного с холста Ильи Репина в другие картины и самые разнообразные обстоятельства, не имеющие к исторической действительности никакого отношения. Этот мем пережил несколько волн массового распространения. Первая волна была связана с письмом на имя министра культуры

В.Р. Мединского и директора государственной Третьяковской галереи И.В. Лебедевой представителей православных организаций и некоторых историков с просьбой убрать картину И.Е. Репина из экспозиции Третьяковской галереи, так как, по их мнению, полотно является клеветой на русского царя, не убивавшего своего сына, и оскорбляет патриотические чувства людей. Вторая волна возникла после оговорки Вадима Потомского, губернатора Орловской области, в которой на тот момент еще только собирались ставить царю памятник. В. Потомский сказал, что царевич Иван заболел во время путешествия с отцом из Москвы в Петербург; волна мемов не остановилась даже после извинений губернатора. В начале 2017 г. вокруг мема разразился медийный скандал после публикации его новогодней вариации в издании «Брянск Today», где царю приписаны слова: «Вставай, там еще оливье и крабовый остались, нужно докушать», а царевичу – слова: «Дай мне умереть». В июле того же года в преддверии Дня металлурга президент Владимир Путин посетил Лебединский горнообогатительный комбинат и, отвечая на вопрос о противодействии фальсификации истории, вновь поднял тему достоверности свидетельств об убийстве царем своего сына, чем всколыхнул новую волну мемов. В мае 2018 г. некий Игорь Подпорин повредил полотно И. Репина, нанеся по картине

несколько ударов стойкой ограждения, что также широко освещалось в СМИ и вновь привлекло внимание к артефакту и связанным с ним мемам.

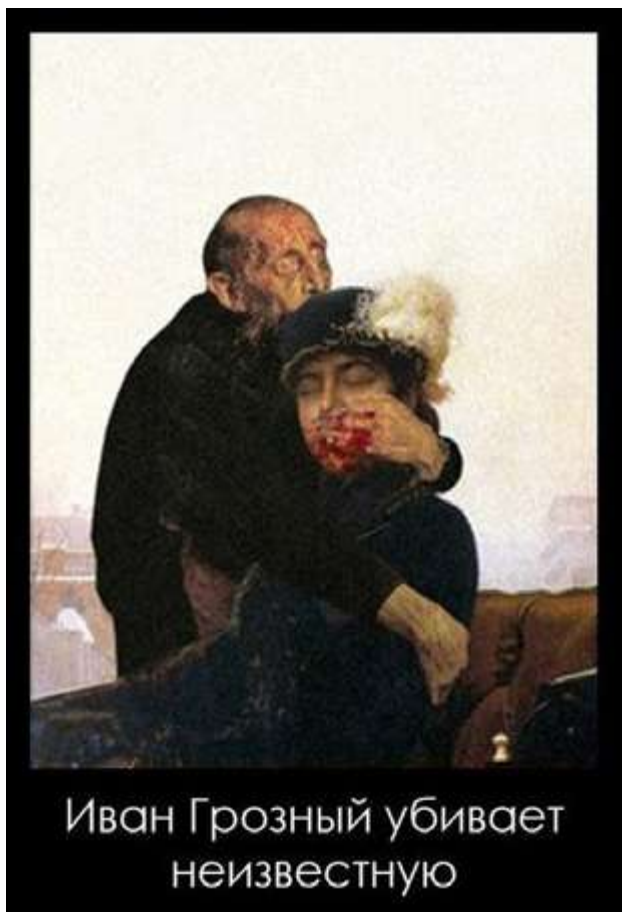

Рис. 4. Интернет-мем «Иван Грозный убивает Неизвестную»

В мем-цикле «Иван Грозный убивает» интернет-пользователи никак не акцентируют факт сыноубийства. Более того, чаще всего царевич Иван вообще убирается с картины, а используется только изображение Ивана Грозного, который из отчаявшегося отца, совершившего неоправимый поступок, каким его изобразил Репин, превращается в маньяка, образ которого органично вписывается в массовую культуру, имеющую огромную традицию изображения маниакального поведения. Даже используя картину, рассказывающую об убийстве Иваном Грозным своего сына, интернет-пользователи умудряются забывать об этом и включают в свой медиатекст аллюзии на совершенно другие сюжеты, навеянные повесткой дня.

Медиалогика 2: император всея болота

Интернет-мемы, визуализирующие образ Петра I в исторической памяти, воспроизводят основные мифы о его правлении. В основном они создаются на основе портретного изображения императора, написанного Полем Деларошем в 1838 г. Мемы воспроизводят миф о европеизации России, выраженный метафорами «окно в Европу» и «рубить бороды»: «Окно в Европу срочно заколотить! Нынче вид из него ужасный!» и «Я сбрил бороды, а чего добился ты?».

Рис. 5. Интернет-мем «Окно в Европу»

Рис. 6. Интернет-мем «А чего добился ты?»

Встречаются мемы, посвященные строительству флота («Игра “Русский кит”. Вырежи флот у себя на руке. Разбуди меня в 17:21») и созданию бюрократического аппарата управления («Указую общаться токмо через СЭД, чтоб дурь каждого видна была!»). Однако наибольшей популярностью пользуются мемы, связанные с мифом о строительстве Санкт-Петербурга на болотах, где Петр I неожиданным образом стал ассоциироваться с персонажем мультфильма киностудии DreamWorks Pictures Шрек. Первый мем, ставший началом вирусного распространения образа, представлял собой портрет императора с надписью: «Осел! Нет никаких “мы”, нет никакого “наше”. Есть только я и мое болото! – Шрек». В дальнейшем волна репликаций привела к появлению в этих мемах других героев, но неизменным осталась связь образа Петра I с болотным орком.

Рис. 7. Интернет-мем «Петр I – Шрек»

В имеющих массовое хождение мемах фигура царевича Алексея Петровича не встречается. Исключение составляет интернет-мем на основе картины Николая Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе», где царевичу приписаны слова: «У тебя есть борода? – Я скажу тебе: “Да”. Если бороды нет, то и “нет” – мой ответ», а императору фраза: «Ты, вообще, с головой дружишь, нет?» Популярность этого мема связана только с тем, что в нем обыгрывается строчка из известной песни популярного рэп-исполнителя Doini, а не с историей взаимоотношений отца и сына. Хотя следует признать, в некоторой степени этот мем иллюстрирует суть разногласий исторических героев: как известно, одной из главных претензий к Алексею, ставшей обвинением, была его приверженность старинному русскому укладу, символизируемому бородой.

Рис. 8. Интернет-мем «Петр I и царевич Алексей»

В современную цифровую эпоху интернет-мемы, образующие вместе с другими жанрами цифрового контента медиапамять, могут показать, каким образом в исторической памяти формируются представления о прошлом, что сохраняется и забывается. Мемы об Иване Грозном и Петре I красноречиво свидетельствуют, что развитие образов этих знаковых исторических личностей задано всей предшествующей традицией, мифологизировавшей их правление, и историография здесь имела меньшее значение, чем массовая культура, хотя последняя и питалась ее достижениями. В этой традиции факт сыноубийства был лишним для мифа о правителе, поэтому был вытеснен на периферию массового исторического сознания и забыт.

Литература

Богданова, О.В. Карамзин об Иване Грозном // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2017. № 5. С. 77–80.

Ермакова, А.А. «Трагедия в семье и у трона»: петербургский розыск по делу царевича Алексея Петровича // Вестник государственного социально-гуманитарного университета. Гуманитарные науки. 2018. №. 1 (29). С. 46–64

Есипов, Г.В. Кабачок Мартышка. Эпизод 1718–1719 годов. М.: Тип. Каткова и К°, 1860.

Иоанн (Снычев, И.М.) Самодержавие духа: Очерки русского самосознания. Саратов: Надежда, 1995.

Карамзин, Н.М. История государства Российского. СПб.: в типографии Н. Греча, 1821. Т. 9.

Ключевский, В.О. Курс русской истории. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1916. Ч. 3.

Павленко, Н.И. Царевич Алексей. М.: Молодая гвардия, 2008.

Поссевино, А. Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.

Прокопович, Ф. Правда воли монаршей в определении наследника державы своей. М., 1726. [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--e1aaejmenosqx.xn--p1ai/node/13642> (дата обращения: 03.06.2020).

Семевский, М.И. Цесаревич Алексей Петрович. 1690–1718 // Русское слово. 1860. № 1. С. 1–66.

Скрыников, Р.Г. Иван Грозный. М.: Наука, 1983.

Убиение царевича Алексея Петровича. Письмо Александра Румянцева к Титову Дмитрию Ивановичу // Полярная звезда. Журнал А.И. Герцена и Н.П. Огарева. 1855–1869. В 8 кн. Книга 4: Полярная звезда на 1858. М.: Наука, 1967. С. 279–287.

Устрялов, Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 6. Царевич Алексей Петрович. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1859.

Шокарев, С.Ю. Убил ли Иван Грозный своего сына? // Центр и периферия. 2017. № 1. С. 12–27.

Щербатов, М.М., кн. История Российская с древнейших времен. СПб.: Императорская Академия наук, 1789. Т. 5. Ч. 3.

Эйдельман, Н.Я. Герцен против самодержавия (секретная политическая история России XVIII–XIX вв. и Вольная русская печать). М.: Мысль, 1973.

References

Bogdanova, O.V. (2017). Karamzin ob Ivane Groznom [Karamzin about Ivan the Terrible]. *Innovatsionnaya Nauka* [Innovative Science], 5, 77–80.

Eydel'man, N.Ya. (1973). *Gertsen protiv samoderzhaviya (sekretnaya politicheskaya istoriya Rossii XVIII–XIX vv. I Vol'naya russkaya pechat')* [Herzen against autocracy (secret political history of Russia in the XVIII–XIX centuries and the Free Russian press)]. Moscow: Mysl'.

Ermakova, A.A. (2018). “Tragediya v sem'e i u trona”: peterburgskiy rozysk po delu tsarevicha Alekseya Petrovicha [“Tragedy in the family and at the throne”: Petersburg search in the case of tsarevich Alexey Petrovich]. *Vestnik Gosudarstvennogo Sotsial'no-gumanitarnogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki*. [Bulletin of the State Social and Humanitarian University. Humanities], 1 (29), 46–64.

Esipov, G.V. (1860). *Kabachok Martyshka. Epizod 1718–1719 godov* [Tavern Monkey. Episode 1718–1719]. Moscow: Katkov & Co.

Ioann (Snychev, I.M.) (1995). *Samoderzhavie dukha: Ocherki russkogo samosoznaniya* [Autocracy of the spirit: essays of Russian self-consciousness]. Saratov: Nadezhda.

Karamzin, N.M. (1821). *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian state] (Vol. 9). Saint Petersburg: N. Grecha.

Klyuchevskiy, V.O. (1916). *Kurs russkoy istorii* [Course of Russian history] (Part 3). Moscow: G. Lissner & D. Sobko.

Pavlenko, N.I. (2008). *Tsarevich Aleksey* [Tsarevich Alexey]. Moscow: Molodaya gvardiya.

Possevino, A. (1983). *Istoricheskie sochineniya o Rossii XVI v. ("Moskoviya", "Livoniya" i dr.)* [Historical writings about Russia of the XVI century ("Moskoviya", "Livonia", etc.)]. Moscow: MSU.

Prokopovich, F. (1726). *Pravda voli monarshey v opredelenii naslednika derzhavy svoej* [The truth of the monarch's will in determining the heir of the power]. Moscow. Retrieved from: <http://xn-e1aaejmenocxq.xn--plai/node/13642> (date of access: 03.06.2020).

Rumyantsev, A. (1967). *Ubieenie tsarevicha Alekseya Petrovicha. Pis'mo Aleksandra Rumyantseva k Titovu Dmitriyu Ivanovichu*

[The murder of Tsarevich Alexey Petrovich. Letter of Alexander Rumyantsev to Dmitry Titov]. *Polyarnaya Zvezda. Zhurnal A.I. Gercena i N.P. Ogareva. 1855–1869*. [Polar Star. A. Herzen and N. Ogarev's magazine in eight books. 1855–1869] (Vol. 4: *Polyarnaya zvezda na 1858*). Moscow: Nauka.

Semevskiy, M.I. (1860). *Cesarevich Aleksey Petrovich. 1690–1718* [Tsarevich Alexey Petrovich. 1690–1718]. *Russkoe Slovo* [Russian Word], 1, 1–66.

Shcherbatov, M.M., kn. (1789). *Istoriya Rossyjskaya s drevnyshikh vremen* [Russian history since ancient times] (Vol. 5/3). Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk.

Shokarev, S.Yu. (2017). *Ubil li Ivan Groznyj svoego syna? [Did Ivan the Terrible kill his son?]. Tsentri i Periferiya* [Center and periphery], 1, 12–27.

Skrynikov, R.G. (1983). *Ivan Groznyj* [Ivan the Terrible]. Moscow: Nauka.

Ustryalov, N.G. (1859) *Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo. T. 6. Tsarevich Aleksey Petrovich* [History of the reign of Peter the Great. Vol. 6. Tsarevich Alexey Petrovich.]. Saint Petersburg: Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. Kantselyarii.

TO KILL THE SON: THE DEATH OF THE HEIRS TO THE THRONE IN THE MECHANICS OF MEDIA OBLIVION

Denis Artamonov, Candidate of Sciences, Associate Professor, Saratov State University (Saratov, Russia); e-mail: artamonovds@mail.ru.

Sophia V. Tikhonova, Doctor of Sciences, Professor, Saratov State University (Saratov, Russia); e-mail: segedasv@yandex.ru.

Abstract. The article deals with the mechanics of oblivion in the structure of historical memory in the digital environment (media memory). The authors consider media memory as a system of selection of emotionally colored ideas about the Past, in which oblivion plays the role of a filter established by censorship and mythologizing practices. Using the example of two specific historical events, the murder of the heirs of the throne by the royal fathers, they show how the mechanism of oblivion works by comparing historiographical, mythological and media narratives. The empirical basis of the media narrative research is Internet memes dedicated to Ivan the Terrible and Peter I. The authors come to the conclusion that the censorship and ideological practice of state mythology refused to distort the historiographical conventions about the analyzed events in favor of their displacement. Empirical data demonstrate the displacement of the moral aspect in the assessment of events due to the humorous strategy of their interpretation.

Key words: memory studies, historical memory, media memory, oblivion, medialogics, Ivan the Terrible, Peter I.

Acknowledgements: The reported study was funded by RFFR, project number 20-09-42063 “Peter I in the historical memory of modern Russia: representation of the image in the digital media”.

